

Светлана Фокина

Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова
svetlana_fokina@ukr.net

Svetlana Fokina

Odessa I. I. Mechnikov National University
svetlana_fokina@ukr.net

АПОЛЛОНИЧЕСКАЯ И ДИОНИСИЙСКАЯ ДИСКУРСИВНЫЕ ФОРМАЦИИ ЭМИГРАНТСКОЙ ПОЭТИКИ И. БРОДСКОГО

APOLLONIAN AND DIONYSIAN DISCURSIVE FORMATIONS OF EMIGRANT POETICS BY J. BRODSKY

В рамках данной статьи выдвигается гипотеза, что важными индикаторами эмигрантской поэтики являются определенные дискурсивные формации, продуцируемые поэтом-эмигрантом, выявить которые позволит юнгиански направленное прочтение. Этими дискурсивными формациями в эмигрантской поэтике Бродского представляются аполлоническая, ностальгически ориентированная, и дионисийская, направленная на разрыв и эсхатологию. Данный подход не исключает, напротив, активизирует и значительно более широкий культурный, идеологический, символический контекст, способствующий постижению варианта эмигрантской поэтики Бродского.

Ключевые слова: эмигрантская поэтика, Бродский, аполлоник, дионисик, трикстер.

Within the framework of this article, it is hypothesized that important indicators of emigrant poetics are certain discursive formations produced by the emigrant poet, which will be revealed by a Jungian-oriented reading. These discursive formations in Brodsky's emigrant poetics are Apollonian, nostalgically oriented, and Dionysian, aimed at breaking and eschatology. This approach does not exclude, on the contrary, activates a much wider cultural, ideological, symbolic context that contributes to the comprehension of the Brodsky version of emigrant poetics.

Key words: emigrant poetics, Brodsky, Apollonic, Dionysian, trickster.

Рассматривая творческую деятельность и непосредственно пласты лирической наррации И. Бродского, как флагмана современных русских поэтов-эмигрантов, целесообразно обратить внимание на дискурсивные формации, определяющие авторскую ментальность и манеру письма. По-

казательна мысль, что «обращение индивида в субъекта своего дискурса осуществляется путем идентификации (субъекта) в дискурсивной формации, доминирующей над ним...» (Серио 1999: 46). Пограничность практически во всех сферах жизнедеятельности и интеллектуальной реализации становится определяющим фактором эмигрантского сознания.

О. Матич очерчивает две основные противоположные тенденции эмиграции, продуцируемые соответственно в метафорах изгнанника и гражданина мира. Тип изгнанника воспринимает свой жизненный опыт после выезда «как языковую и психологическую травму» (Матич 1996: 160). Гражданин мира не ограничивает свои смысловые горизонты «ни географией, ни родным языком, ни национальной культурой» (Матич 1996: 160). В связи с предложенной оппозиционной моделью различных типов *homo emigranticus* О. Матич акцентирует факт существования «с двойным языком и даже двойным мышлением» (Матич 1996: 160) как тенденцию некоего промежуточного варианта.

Согласно идее М. Рубенс, суть диаспорического опыта заключается как в поиске возможности включиться эмигранту в новую среду, так и «в географических перемещениях, пересечении разнообразных ментальных, культурных и лингвистических границ...» (Рубенс 2021: 5), что эксплицируется в виде эмигрантской поэтики. М. Липовецкий со своей стороны выделяет диаспорический дискурс, очерчивая механизмы смыслопорождения и творческого процесса, определяемые данным типом дискурсивности. По мнению ученого, «травма разрыва порождает специфические модальности письма» (Липовецкий 2021а: 273). Несомненна взаимосвязь диаспорического дискурса с ностальгическими дискурсивными формациями поэтов-эмигрантов в целом, и непосредственно И. Бродского, предвосхитившего художественные векторы своего и последующих эмиграционных поколений. Факторы разрыва, пограничности статуса, гибридности сознания и обретения трансгрессивной идентичности, предстающей как «интенсивная, множественная сущность» (Брайдотти 2001: 159), нацеленная на «переосмысление единства субъекта» (Брайдотти 2001: 155), определяют психосферу интеллектуала-эмигранта конца XX — начала XXI века, формируя вариативные типы дискурсивности. Наиболее очевидными дискурсивными формациями в данном плане представляются диаспорическая и ностальгическая. Отличие между диаспорическими и ностальгическими дискурсивными формациями допускает даже противопоставленность их друг другу. Диаспорический дискурс если полностью и не исключает ностальгирование, то ностальгические настроения не заостряет, делая акцент на номадизме как образе жизни, позволяющем «воссоздавать свой дом, свою базу где бы то ни было» (Брайдотти 2001: 138). Для ностальгического дискурса, не отрицающего в полной мере соприкосновение с номадистским феноменом, ностальгия наравне с памятью представляются ключевыми эпистемами, задающими своеобразие семио- и сенсетивной сфер современного поэта-эмигранта.

Дискурс ностальгии способствует включению в авторский миф реминисценции из реальной биографии поэта-эмигранта, совмещая мифологические, архетипические и иные коды с проявлениями художественной идеологии пограничности и трансгрессии. Согласно мысли Ж. Старобинского, специфика ностальгии заключается в погружении в «болезненный опыт сознания, вырванного из родной среды» (Старобинский 2016: 261), становясь при этом «метафорическим выражением более глубинного разрыва, когда человек ощущает себя отделенным от идеала» (Старобинский 2016: 261). При этом диаспорические формы существования не в меньшей степени аккумулируют механизмы отчуждения и разрыва. Современную эмигрантскую поэтику, контуры которой во многом сформированы опытом И. Бродского, отличает мировосприятие, являющее дионисийски окрашенные переходность и эсхатологичность при координировании с аполлонически ориентированными меланхолией и эффектом зеркальности.

Основы эмигрантской поэтики зиждятся на взаимообусловленности форм пограничности, ностальгического опыта и диаспорической отъединенности. Данные принципы в той или иной мере касаются «тематического репертуара, места действия, лингвистической гибридности, ностальгии, чувства отчужденности или акцента на работе памяти...» (Рубинс 2021: 11–12), всех тех доминант, отвечающих вехам эмигрантского самосознания в реализуемых художественных практиках. Психоаналитические стратегии, используемые для интерпретации форм дискурсивности, вслед за З. Фрейдом представляют попытку найти «фантазм-матрицу для творений художника» (Рансьер 2004: 62), в данном случае художника слова и автора дискурса. Не менее перспективно активизировать и юнгианский подход, который заимствует «у Юнга ключевую концепцию архетипа, используя ее в качестве основы для исследования и постижения глубинных измерений всех видов опыта воображения...» (Самуэлс 2014: 40). Юнгианский подход представляется адекватным для прочтения переходного сознания эмигранта. Подобное декодирование позволяет выявить соответствие авторских эмигрантских кодов определенным архетипам и психологическим типам.

Уже стала своего рода классической для бродсковедения исследовательская позиция В. Баевского, акцентирующая, что «новое поэтическое мышление наиболее полно выразил Иосиф Бродский» (Баевский 1994: 721), обусловив и отличительный лирико-иронический стиль «поэзии ассоциаций, намеков, суггестивного воздействия» (Баевский 1994: 723) и потенциальную множественность прочтений. Учитывая весьма различные проявления и варьирования эмиграционного опыта, представляет интерес взгляд самого И. Бродского на себя в данной экзистенциальной позиции. Дж. Смит акцентирует, «Бродский не переставал повторять, что уехал помимо воли, а потому он скорее изгнанник, чем эмигрант; но этот вопрос по всей вероятности, никогда не будет решен однозначно» (Смит 2012: 7). Возможный ответ касательно эмиграционной самоидентификации И. Бродского спо-

собно подсказать прочтение кодов эмигрантской поэтики. Рассмотрение различных вариаций семантики, символики и художественной идеологии, соответствующих эмиграционной парадигме, будет способствовать декодированию восприятия И. Бродским своего эмигрантского статуса.

В рецепции и соответствующей поэтической интерпретации самого И. Бродского значимая роль ностальгически ориентированной культурной памяти, говорящей «загадками и головоломками» (Бойм 2019: 22), дополнилась ощущением столь же закономерного отчуждения. В данном плане показателен отказ И. Бродского от приглашения А. Собчака посетить летом 1995 года Санкт-Петербург. В письме объясняя свое решение, И. Бродский приводит следующие слова: «В частности, меня коробит от перспективы оказаться объектом позитивных переживаний в массовом масштабе...» (Штерн 2001: 248). Видимо, ощущение И. Бродским внутреннего разрыва, причем достаточно изначально фатального, и при изменении политической обстановки не благоприятствовало его чувствуемому возвращению, даже в виде отдельного визита. Для аполлоника, коим признают И. Бродского прямо или косвенно многие исследователи, не может быть «прямого возвращения на родину, не говоря уже о пути назад», что компенсируется посредством «работы культурной памяти» (Ханзен-Лёве 2017: 325). Ностальгическая окрашенность воспоминаний о родном городе, надо полагать, также способствовала отказу И. Бродского посетить Петербург. Для ностальгика универсальна позиция существования в зоне недостижимости объекта его ностальгии, этот объект «должен находиться за пределами пространства опыта» (Бойм 2019: 50). Ранее у И. Бродского осталось негативное впечатление от приезда сына в США в 1990 году. Много позже в интервью Андрей Басманов так прокомментировал тогдашнюю встречу с отцом, к тому времени уже нобелевским лауреатом. По словам сына И. Бродского, «... мы виделись с ним, когда мне исполнилось 22 года, я приезжал к нему в Америку. С отцом мы друг друга не понимали, скажу сразу, хотя он и предлагал в Штатах остаться» (Меньшиков 2019). Отцовская оценка общения с сыном, видимо, не соответствовала той идеализированной призме отношений Одиссей — Телемак (*Расту большой, мой Телемак, расту. / Лишь боги знают, свидимся ли снова.*), которую И Бродский последовательно воссоздавал в своей лирической системе.

В бродсковском поэтическом мире маска Одиссея — индикатор как эмигрантского статуса, так и других валентностей улиссового мифа. И. Бродский в авторском мифе примеряет не только вехи судьбы Одиссея, но и усваивает воплощение в царе Итаки «явных черт трикстера и одновременно <...> героизированный и лиризированный статус первого ностальгика» (Фокина 2021: 514). Преemptивность для И. Бродского трикстерского потенциала и соответствующих мифологем, обуславливает последовательную реализацию «трикстерского тропа» в бродсковской эмигрантской поэтике. Трикстерские коннотации зачастую импонируют И. Бродскому

в творчестве, репрезентативном имидже поэта и изгнанника, в определенной степени и в плане жизненных проявлений. Не случайно «богатые эстетические возможности метапозиции трикстера» (Липовецкий 2021б: 333), подразумевая особый локус пограничности и трансгрессивную идентичность, соотносимы с такой художественной парадигмой, в рамках которой автор зачастую моделирует «свой образ по образцу трикстера» (Липовецкий 2021б: 333). По признанию знакомых и биографов, И. Бродский был отмечен амбивалентностью поведения и обладал некоей двойственностью характера в целом. Б. Янгфельдт подчеркивает, что «нервозность и агрессивность, проявляемые Иосифом на людях, коренились в его робости и застенчивости» (Янгфельдт 2012: 187). Л. Штерн, рассказывая об обстоятельствах своего знакомства с И. Бродским в пору их юности, свидетельствует: «... я вытащила из сумки сигарету, и молодой человек, молниеносно выхватив у кого-то из рук спичку, взлетел со стула и лихо зажег ее о свой зад. Этот цирковой трюк всех восхитил...» (Штерн 2001: 53). В то же время И. Бродский после своих выходок и острот «смушался, делался пунцовым и хватался за подбородок» (Штерн 2001: 53). Цирковой контекст, эпатажность поведения, совмещающиеся с наплывом смятения чувств, выдают ту самую противоречивость и склонность к медиации, которые соответствуют трикстерской ипостаси.

Трикстерская амбивалентность проявилась в бродсковском творческом сознании во взаимной противоречивой и органичной предрасположенности одновременно к аполлинству и дионисике. В целом И. Бродский как один из авторов «живущих и пишущих под властью ностальгии и тоски по памяти культуры» (Ханзен-Лёве 2016: 133) значительно аполлонически ориентирован. При этом своеобразии бродсковского поэтического сознания, как и менталитета в целом, отмечено проявлением и дионисийских черт: диологичностью, театрализованностью, актуализацией музыкального и шире — акустического в целом. В данном плане стоит вспомнить мнение С. Волкова, ставшее итогом его *Диалогов с Бродским*. По словам С. Волкова, «каждый разговор с Бродским <...> строился как своего рода пьеса — с завязкой, подводными камнями конфликтов, кульминацией, финалом» (Волков 2000: 14). Такой акцент, не отрицая принципиальной аполлоничности поэтического сознания И. Бродского, свидетельствует и о явном тяготении к дионисике. Говоря о поэтах, которые, по признанию самого И. Бродского, показались ему «столь кардинально отличными от всех прочих, <...> столь уникальными душами», он называет имена: «Фрост, Цветаева, Кавафис и Оден» (Волков 2000: 97). В своем выборе И. Бродский попарно объединяет сперва дионисиков (Цветаева, Фрост), которых, согласно бродсковской мысли, «сближает общая концепция ужаса» (Волков 2000: 98), а потом аполлоников (Кавафис, Оден). Подобный равнозначный акцент на фигурах, воплощающих в культуре и непосредственной оценке И. Бродского аполлинство и дионисийство, указывает

на активность в бродсковском сознании и дионисийских, и аполлонических интенций. В ментальном мире И. Бродского эмигрантскому статусу, при ощущении эсхатологичности, неизменно сопутствуют ностальгия и интеллектуализация письма. По наблюдениям С. Турома, бродсковская ностальгия «охватывает эпоху *романтического изгнания*, послужившую моделью для модернистской литературы» (Турома 2021: 45). Аполлонические проявления в контексте бродсковской эмигрантской поэтики призваны упорядочить, ностальгизировать и акцентировать возвышенное, познание которого «в аполлоническом приводит к триумфу сознания» (Ханзен-Лёве 2016: 114). В тех же рамках эмигрантской смысловой призмы дионисийство обуславливает ощущение сиротства и разрыва как дерзновения особой судьбы. По наблюдениям К. Г. Юнга, архетипически в событиях детства Диониса подразумевается «двусмысленная ситуация, где младенец одновременно сирота и лелеемый сын богов» (Юнг 1996: 42). Такое парадоксальное взаимоналожение противоположных начал вполне соответствует трансгрессивной идентичности эмигранта и может стать ключем к прочтению непосредственно бродсковской эмигрантской поэтики.

Для лирики И. Бродского, особенно корпуса стихотворений, созданных после отъезда из СССР, присуще авторское ощущение глубинной отъединенности. Специфика бродсковской модели эмигрантской поэтики соответствует не только закономерным в данном случае амбивалентности и лиминальности. Показательно включение и ряда сугубо авторских акцентов, которые будут уточнены в ходе анализа.

Фактически зарождение эмигрантской поэтики у И. Бродского можно связать с поэтическим текстом «Ниоткуда с любовью...» (1976), ставшим хрестоматийным и справедливо рассматриваемым, прежде всего, как любовное послание.

Ниоткуда с любовью, надцатого марта
 дорогой, уважаемый, милая, но не важно
 даже кто, ибо черт лица, говоря
 откровенно, не вспомнить уже, не ваш, но
 и ничей верный друг вас приветствует с одного
 из пяти континентов, держащегося на ковбоях.
 Я любил тебя больше, чем ангелов и самого,
 и поэтому дальше теперь
 от тебя, чем от них обоих.
 Далеко, поздно ночью, в долине, на самом дне,
 в городке, занесенном снегом по ручку двери,
 извиваясь ночью на простыне,
 как не сказано ниже, по крайней мере,
 я взбиваю подушку мычащим «ты»,
 за горами, которым конца и края,
 в темноте всем телом твои черты
 как безумное зеркало повторяя.

(Бродский 2001: 125)

В этом стихотворении, весьма излюбленном исследователями, эмиграционная парадигма была вполне самоочевидна и поэтому оставалась вне тщательного осмысления. Но стоит проанализировать данный текст не просто с точки зрения учета биографического контекста эмиграции И. Бродского, а с позиций эмигрантской поэтики, выявляющей аллюзивные пласты, глубинные установки и коды авторского мышления. Характерно обозначение эмиграционного хронотопа как «*ниоткуда с любовью, надцатого мартабря*», в данном случае не фокусируясь на интертекстуальных отсылках, следует сосредоточить внимание на бродсковской эмигрантской смысловой парадигме. Подобный локус «ниоткуда», усиленный обнулением и времени, связывает тему эмиграции с нивелированием, аллюзиями смерти, неизбежными трансформациями и метаморфозами. В бродсковском решении метаморфозы выходят в тексте на первый план. С точки зрения многих исследователей этого бродсковского стихотворения, лирический герой в конце обретает внешне утраченную возможность самоидентификации. С. Артёмова утверждает, что «акт говорения творит утерянный было лирическим героем мир» и в свою очередь «черты адресата возникают непосредственно после произнесения “мычащего ты”» (Артёмова 2012: 203). Учитывая во многом справедливое наблюдение С. Артёмовой, можно предложить альтернативное прочтение стихотворения «Ниоткуда с любовью...»: в контексте эмигрантской поэтики. В данном ракурсе лирический герой в акте метаморфозы не получает вновь черты индивидуации. Напротив, проходя дионисийские по духу трансформации, бродсковское лирическое «я» обретает трансгрессивную идентичность эмигранта.

Тема метаморфоз наравне с обыгрываемым изгнанием актуализирует значимый для И. Бродского *овидиевский контекст*, что в свою очередь способствует становлению эмигрантской поэтики. Так реализация «мировоззренческой овидиевской призмы» демонстрирует «своего рода древнеримский архетип ностальгического дискурса» (Фокина 2022: 267). Овидий для последующих поколений стал эмблемой изгнанника, причем тоскующего поэта, не только переживающего ностальгию, но и воспевшего одним из первых свой ностальгический опыт. В овидиевском «сознании <...> изгнание отождествляется с его первой гибелью», при этом «античный поэт не теряет надежды на возврат к родному очагу» (Ичин 1997). И. Бродский же манифестирует амбивалентную ситуацию разрыва и ностальгии, а модифицируемые авторской фантазией метаморфозы призваны эксплицировать сферу интимных чувств.

В бродсковском «Ниоткуда с любовью...» объектами, с которыми идентифицируется трансгрессивное лирическое «я», оказываются: змей (*извиваясь ночью на простыне*), бык (*я взбиваю подушку мычащим «ты»*) и безумное зеркало (*как безумное зеркало повторяя*). Животные ипостаси акцентируют трикстерское начало. Достаточно вспомнить слова К. Г. Юнга о том, что среди черт «типичных для трикстера» показательны «любовь

к коварным розыгрышам <...>, способность изменять облик, его двойственная природа — наполовину животная, наполовину божественная, подверженность всякого рода мучениям» (Юнг 1996: 338). «Безумное зеркало» также оказывается адекватным трикстерской парадигме, акцентируя темы: перехода, трансгрессий, растерзанности. Каждый из итогов превращения позволяет соотносить лирического героя с пересмешником, обыгрывающим «мифологическую семантику *хаоса и свободы*» (Липовецкий 2021б: 328), и медиатором, порождающим дискурс, реализуя «власть над словом» (Липовецкий 2021б: 311). Эмигрантская поэтика И Бродского закономерно тяготеет к трикстерскому потенциалу, основания чему были заложены во многом еще в доэмигрантский период.

В интерпретации И. Бродского показателен и выбор животных, которые могут соотноситься с ипостасью растерзанного Диониса-Загрея. По наблюдениям К. Кереньи, «в боге-быке, которого в Греции почитали как Диониса, а на Крите — еще и как Зевса, узнали бога-охотника — Загрея» (Кереньи 2007: 328). Зеркало также связано с загреевым мифом. Младенец Дионис-Загрей был застигнут титанами с целью убийства «пока он рассматривал свое отражение в зеркале» (Кереньи 2007: 311). Зеркало, как магический предмет, способно сохранить «не только внешний облик, но и душу», став для гибнущего Загрея «гарантией того, что умерщвленный не исчезнет бесследно» (Кереньи 2007: 170). Дионисийский контекст имплицитно подчеркивает эмигрантский статус лирического героя, указывая также на усиление дионисика в личности самого И. Бродского. Такой поворот в сторону дионисики, не упраздняя тяготение к аполлинизму, представляет интерес в качестве индикатора бродсковской эмигрантской поэтики. Чем больше И. Бродский осознает и даже утверждает в статусе поэта-эмигранта, изгнанника, тем больше появляются в его лирике эмиграционного периода дионисийские коннотации. В данном плане лирический сюжет «Ниоткуда с любовью...» показателен обыгрыванием не только дионисийского контекста, но именно мифологемы Загрея, подразумевающей трансформации и их некий эпогей — растерзанность. Включением в бродковский ментальный универсум мифологем растерзанного, умирающего и воскресающего бога, можно расценивать как утверждение бродковского лирического «я», так и в определенной степени самого автора в статусе трансгрессивной идентичности. Взаимосвязь дионисийского контекста и трансгрессивной идентичности становится протомоделью для бродсковской эмигрантской поэтики.

В стихотворении «Ниоткуда с любовью...» не менее значим и мифологический контекст, связанный с критскими воплощениями влюбленного Зевса, похищающего объекты своей страсти. Так Зевс, превратившейся в змея, ассоциируется с мифом о тайном браке с его дочерью Персефоной, что также является отсылкой к мифу о Дионисе-Загрее. В обличье быка Зевс похищает Европу. Сама тема «похищения Европы» знакова для эмигрировавшего в Америку И. Бродского. Важность для И. Бродского сохра-

нения европейского культурного наследия, что обыгрывается в лирическом сюжете на уровне аллюзий античного мифа, указывает на ностальгические интенции при осознании разрыва.

В свою очередь образ *безумного зеркала* вносит вклад в становление эмигрантской поэтики. Зеркало реализует идею отражения, а в бродсковском варианте становится эмблемой метаморфоз и выворачивания наизнанку. Вышеперечисленные аспекты реализуют трикстерский принцип «совмещать разные точки зрения, временно “превращаясь” в своего антагониста» (Липовецкий 2021б: 317), который после осуществления такой метаморфозы неизменно «трансформирован трикстером изнутри» (Липовецкий 2021б: 329). В данном бродсковском лирическом сюжете несомненно значима тема любовных страданий и даже одержимости. Но не менее важна позиция бродсковского лирического «я» как антагониста по отношению и к прежней возлюбленной, и к покинутому миру.

Вся парадигма обозначенных выше страстей, переживаемых бродсковским лирическим «я», соответствуя меланхолическому строю сознания ностальгика-аполлоника, приобретает и явно дионисийские трагические обертоны. По наблюдениям Н. Хренова, «в ситуации распада универсальной картины мира» закономерно активизируется «феномен двойничества <...> как психологическое следствие переходности» (Хренов 2002: 140). В эмиграционной ситуации картина мира если не полностью подвергается распаду, то претерпевает явные модификации. Так трансформируется не только индивидуальный и социокультурный опыт, но и личность самого эмигранта.

Фактор разрыва для И. Бродского изменяет прежний мир, а отражение этого покинутого мира, с учетом произошедшей отчужденности, возможно только через призму бродсковского восприятия. По мнению С. Мельшиор-Бонне, «зеркальное изображение как бы освобождается от власти “образца”», а «феномен двойников, или близнецов, угрожает личности героя, его тождественности» (Мельшиор-Бонне 2006: 250). Данный аспект показателен для прояснения эмигрантской поэтики в целом, и непосредственно бродсковской. Эмигрантская поэтика не только стимулирует появление образов двойников и близнецов, но и продуцирует амбивалентность, расколотость, противоречивость лирического «я», утрату окончательной тождественности, заменяя ее трансгрессивной идентичностью эмигранта. В случае И. Бродского фиксация некоего мерцающего двойничества дана в рамках лирического сюжета «Ниоткуда с любовью...» Двойничество актуализирует как смеховое пародирование, так и трикстерский контекст при общей эсхатологической тональности. С одной стороны прибежищем в авторском сознании модификаций прежнего покинутого мира становится аполлонически ориентированная область памяти и ностальгии. С другой — лирический герой, во многом синонимичный автору, с покинутым миром оказывается в дионисийски окрашенных отношениях *безумного зеркала*. С точки зрения эмигрантской поэтики существование для эми-

гранта зиждится на локализации *ниоткуда*, ощущения постоянных утрат как прошлого, так и части себя, обретения статуса *безумного зеркала*.

Бродсковская модель эмигрантской поэтики парадоксально совмещает ностальгию, эксплицирующую взгляд на мир аполлоника, и дионисийские трикстерские проявления, включая и комплекс умирания / воскресения.

ЛИТЕРАТУРА

- Артемова Светлана. «Человек vs. поэт в цикле “Части речи”». *Иосиф Бродский: проблемы поэтики*. Москва: Новое литературное обозрение, 2012.
- Баевский Вадим. «Бродский». *История русской поэзии: 1730–1980*. Смоленск: Русич, 1994.
- Бойм Светлана. *Будущее ностальгии*. Москва: Новое литературное обозрение, 2019.
- Брайдогги Роза. «Путем номадизма». *Введение в гендерные исследования*. Ч. II. Харьков, Санкт-Петербург: Алетейя, 2001.
- Бродский Иосиф. «Ниоткуда с любовью...». *Сочинения Иосифа Бродского*. Т. 3.: *Стихи 1972–1986 гг.* Санкт-Петербург: Пушкинский фонд, 2001: 125.
- Волков Соломон. *Диалоги с Иосифом Бродским*. Москва: Независимая Газета, 2000.
- Ичин Корнелия. «Бродский и Овидий». *Литература третьей волны русской эмиграции*: [сб. науч. статей]. Самара, 1997. <http://netrover.narod.ru/lit3wave/4_4.htm> 5.09.2022
- Керень Карл. *Дионис: Прообраз неиссякаемой жизни*. Москва: Ладомир, 2007.
- Липовецкий Марк. «Возможна ли диаспора в век интернета». *Век диаспоры: Траектории зарубежной русской литературы (1920–2020)*. Москва: Новое литературное обозрение, 2021: 251–273.
- Липовецкий Марк. «Теория трикстера». *Зборник матице српске за славистику* 100 (2021): 305–340.
- Матич Ольга. «Диаспора как остранение (русская литература в эмиграции)». *Russian Studies: Ежеквартальник русской филологии и культуры* 2/2 (1996): 158–179.
- Мельшиор-Бонне Сандрин. *История зеркала*. Москва: Новое литературное обозрение, 2006.
- Меньшиков Александр. «“Мы друг друга не понимали, даже фото общих нет”. Сын Бродского об отце: [интервью]. *Аргументы и Факты. Петербург*. 22 (2019): <https://spb.aif.ru/culture/person/my_drug_druga_ne_ponimali_dazhe_foto_obschih_net_syn_brodskogo_ob_otce> 5.09.2022
- Рансьер Жак. *Эстетическое бессознательное*. Санкт-Петербург: Machina, 2004.
- Рубинс Мария. «Невыносимая легкость диаспорического бытия. Модальности письма и чтения экстерриториальных нарративов». *Век диаспоры: Траектории зарубежной русской литературы (1920–2020)*. Москва: Новое литературное обозрение, 2021: 5–50.
- Самуэлс Эндрю. «Введение: Юнг и постюнгианцы». *Кембриджское руководство по аналитической психологии*. Москва: Добросвет, КДУ, 2014: 30–47.
- Серно Патрик. «Как читают тексты во Франции». *Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса*. Москва: Прогресс, 1999: 12–53.
- Смит Джеральд. «Иосиф Бродский: взгляд иностранного современника». *Иосиф Бродский: проблемы поэтики*. Москва: Новое литературное обозрение, 2012: 7–17.
- Старобинский Жан. *Чернила меланхолии*. Москва: Новое литературное обозрение, 2016.
- Турома Санна. *Бродский за границей: Империя, туризм, ностальгия*. Москва: Новое литературное обозрение, 2021.
- Ханзен-Лёве Оге. *Интермедialность в русской культуре: От символизма к авангарду*. Москва: РГГУ, 2016.
- Ханзен-Лёве Оге. «Русские как кочевники: Концепты номадизма в русской культуре». *Зборник матице српске за славистику* 92 (2017): 317–330.
- Хренов Николай. *Культура в эпоху социального хаоса*. Москва: Едиториал УРСС, 2002.
- Фокина Светлана. «Дискурсивные контексты образа Одиссея-ностальгика». *Slavia orientalis* LXX/3 (2021): 507–521.

- Фокина Светлана. «Остийский контекст “римской элегии”» Александры Петровой. *Slavia Centralis*. Letn. 15/1 (2022): 263–277.
- Штерн Людмила. *Бродский: Ося, Иосиф, Joseph*. Москва: Независимая газета, 2001.
- Юнг Карл Густав. *Душа и миф: шесть архетипов*. Киев: ГБУДЮ, 1996.
- Янгфельдт Бенгт. *Язык есть Бог. Заметки об Иосифе Бродском*. Москва: Астрель: CORPUS, 2012.

REFERENCE

- Artemova Svetlana. «Chelovek vs. pojet v cikle “Chasti rechi”». *Iosif Brodskij: problemy pojetiki*. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012.
- Baevskij Vadim. «Brodskij». *Istorija russoj poezii: 1730–1980*. Smolensk: Rusich, 1994.
- Bojm Svetlana. *Budushhee nostalgii*. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2019.
- Brajdotti Rozi. «Putem nomadizma». *Vvedenie v gendervye issledovanija*. Ch. II. Har'kov, Sankt-Peterburg: Aletejja, 2001.
- Brodskij Iosif. «Niotkuda s ljubov'ju...». *Sochinenija Iosifa Brodskogo*. T. 3.: *Stihi 1972–1986 gg.* Sankt-Peterburg: Pushkinskij fond, 2001: 125.
- Fokina Svetlana. «Diskursivnye konteksty obraza Odisseja-nostalgika». *Slavia orientalis* LXX/3 (2021): 507–521.
- Fokina Svetlana. «Ostijskij kontekst “rimsoj jelegii”» Aleksandry Petrovoj. *Slavia Centralis*. Letn. 15/1 (2022): 263–277.
- Hanzen-Ljove Oge. *Intermedial'nost' v russoj kul'ture: Ot simvolizma k avangardu*. Moskva: RGGU, 2016.
- Hanzen-Ljove Oge. «Russkie kak kochevniki: Koncepty nomadizma v russoj kul'ture». *Zbornik matice srpske za slavistiku* 92 (2017): 317–330.
- Hrenov Nikolaj. *Kul'tura v jepohu social'nogo haosa*. Moskva: Editorial URSS, 2002.
- Ichin Kornelija. «Brodskij i Ovidij». *Literatura tret'ej volny russoj jemigracii*: [sb. nauch. statej]. Samara, 1997. <http://netrover.narod.ru/lit3wave/4_4.htm> 5.09.2022.
- Jangfel'dt Ben. *Jazyk est' Bog. Zаметки об Иосифе Бродском*. Moskva: Astrel': CORPUS, 2012.
- Jung Karl Gustav. *Dusha i mif: šest' arhetipov*. Kiev: GBUDJu, 1996.
- Keren'i Karl. *Dionis: Proobraz neissjakaemoj zhizni*. Moskva: Ladomir, 2007.
- Lipoveckij Mark. «Vozmozhna li diaspora v vek interneta». *Vek diaspor: Traektorii zarubezhnoj russoj literatury (1920–2020)*. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2021: 251–273.
- Lipoveckij Mark. «Teorija trikster». *Zbornik matice srpske za slavistiku* 100 (2021): 305–340.
- Matich Ol'ga. «Diaspora kak ostranenie (ruskaja literatura v jemigracii)». *Russian Studies: Ezhekvartal'nik russoj filologii i kul'tury* 2/2 (1996): 158–179.
- Mel'shior-Bonne Sandrin. *Istorija zerkala*. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2006.
- Men'shikov Aleksandr. «“My drug druga ne ponimali, dazhe foto obshhij net”. Syn Brodskogo ob otce»: [interv'ju]. *Argumenty i Fakty. Peterburg*. 22 (2019): <https://spb.aif.ru/culture/person/my_drug_druga_ne_ponimali_dazhe_foto_obshchih_net_syn_brodskogo_ob_otce> 5.09.2022
- Rans'er Zhak. *Jesteticheskoe bessoznatel'noe*. Sankt-Peterburg: Machina, 2004.
- Rubins Mariya. «Nevynosimaya legkost' diasporicheskogo bytiya. Modal'nosti pis'ma i chteniya eksterritorial'nyh narrativov». *Vek diaspor: Traektorii zarubezhnoj russoj literatury (1920–2020)*. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2021: 5–50.
- Samujels Jendruj. «Vvedenie: Jung i postjungiancy». *Kembridzhskoe rukovodstvo po analiticheskoj psihologii*. Moskva: Dobrosvet, KDU, 2014: 30–47.
- Serio Patrik. «Kak chitajut teksty vo Francii». *Kvadratura smysla: Francuzskaja shkola analiza diskursa*. Moskva: Progress, 1999: 12–53.
- Shtern Ljudmila. *Brodskij: Osja, Iosif, Joseph*. Moskva: Nezavisimaja gazeta, 2001.

- Smit Dzheral'd. «Iosif Brodskij: vzgljad inostrannogo sovremennika». *Iosif Brodskij: problemy pojetiki*. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012: 7–17.
- Starobinskij Zhan. *Chernila melanhonii*. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2016.
- Turoma Sanna. *Brodskij za granicej: Imperija, turizm, nostal'gija*. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2021.
- Volkov Solomon. *Dialogi s Iosifom Brodskim*. Moskva: Nezavisimaja Gazeta, 2000.

Светлана Фокина

АПОЛОНИЈСКЕ И ДИОНИЗИЈСКЕ ДИСКУРЗИВНЕ ФОРМАЦИЈЕ
„ЕМИГРАНТСКЕ ПОЕТИКЕ“ И. БРОДСКОГ

Резиме

У оквиру овог чланка поставља се хипотеза да су важни показатељи емигрантске поезике одређене дискурзивне формације које ствара песник емигрант, а које се могу идентификовати јунговски оријентисаним читањем. Ове дискурзивне формације у емигрантској поезици Бродског су аполонијске, носталгично оријентисане и дионизијске, усмерене на разбијање и есхатологију. Овакав приступ не искључује, напротив, активира много шири културни, идеолошки, симболички контекст који доприноси разумевању верзије Бродског емигрантске поезике.

Кључне речи: емигрантска поезика, Бродски, аполонијско начело, дионизијско начело, трикстер.